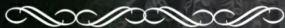

НЕВЕСТА

Ульяна Соболева

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сборник Страшные Не сказки

18+

Ульяна Павловна Соболева

Невеста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39497379

SelfPub; 2018

Аннотация

Сборник Страшные не сказки.ПЯТЬ мистических рассказов о любви. ПЯТЬ загадочных историй с неожиданной развязкой. ПЯТЬ взрослых сказок для тех, кто любит пощекотать себе нервы. Любовь бывает разная, любовь бывает страшная, но в любом ее проявлении она прекрасна.В оформлении обложки использована фотография автора IgorTishenko(Igor Tishenko) ресурс depositphotos. Лицензия# 128730910 и фотография автора liqwer20 (Ирина Харченко) ресурс depositphotos. Лицензия128730866Содержит нецензурную брань.

Содержание

Рассказ 1	4
Рассказ 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рассказ 1

Алая лента

Иван всматривался в полумрак, стараясь не показывать вида, что заблудился, и проклятая дорога или усталость играют с ним злую шутку. Он смотрит в карту, едет по четко указанному маршруту, и Паулина видит пунктирную линию, но машина постоянно выезжает в одно и то же место. К дубу со сломанной веткой и ободранной корой. Девушка это сразу поняла, едва они второй раз мимо массивного могучего ствола проехали.

Где парень уходит от намеченного пути и делает круг, она никак не могла понять, сколько сама ни всматривалась вдаль и на дорогу, освещенную фарами. Поля, эти места и сама неплохо знала. В детстве к бабушке в деревню приезжала, пока та в город к ним с мамой не переехала.

В Соборском лесу и у озера часто бегала с ребяташками, пока Андрейка соседский не утонул, тогда и запретили им здесь гулять. Места гиблые – так старожилы говорили. Но кто в это поверит? Молодость вообще веры не знает и страха не ведает. Молодость верит лишь в собственное бессмертие. Вот и Поля не верила, но в жизни иногда случается то самое... страшное и необъяснимое, когда вера вместо двери в окна стекла со звоном ломает, чтоб изрезать вашу само-

уверенность на куски, иногда вместе с плотью.

Иван снова сделал круг и стиснул челюсти, а Паулина подумала, что, если так пойдет и дальше, им придется заночевать в лесу и только утром заново искать дорогу. Почему-то эта мысль ей ужасно не понравилась. Даже холодок вдоль позвоночника пробежал.

– И куда дальше ехать? – девушка растерянно посмотрела на нового однокурсника, сделавшего уже несколько кругов по лесной дороге на взятом в аренду стареньком «Рено», но так и не выехал на трассу, которую они видели на карте.

– А он с географией не дружит, видать, не туда свернул.

Ребята сзади рассмеялись. Владек бренькнул на гитаре похоронный марш. Снова раздался хохот. Только Паулина не смеялась. Не нравилось ей все это. Казалось, что-то нехорошее вот-вот случится.

– Зато я дружу с географией. – сказала она и обернулась к ребятам сзади, – Смешно вам. Нехорошие места здесь. Бабушка моя говорила, что ночью в Соборский лес лучше не заезжать и у озера не гулять. Может, поэтому мы никак выехать не можем. – тихо добавила девушка и снова посмотрела на парня за рулем. С виду спокойное лицо Ивана заставило и ее перестать хмуриться. Паулина откинулась на спинку сидения, украдкой поглядывая на однокурсника, который опустил стекло и положил локоть на окно. Как же он отличался от других ребят – молчаливый, но как слово скажет, так и простреливает током тело. А если посмотрит, то тут же ды-

шать трудно становится. Взгляд у него свинцовый, тяжелый, и в то же время с ума сводит и волноваться заставляет. Он перед самой поездкой появился. Поля в библиотеке университетской его встретила. Сказал, что как раз конспект пишет и заметил в ее руках старые газеты. Так и познакомились. Паулина о нем потом каждый день думала-мечтала. Как новый семестр начнется, и они на лекциях встречаться будут... а больше думала о глазах его серых с ресницами черными длинными, девчачьими, и о скулах широких, выступающих, и о губах сочных.

И когда пришел к ней в общежитие перед отбоем про деревеньку родную спрашивать, у нее сердце быстрее забилося – запомнил, как она в библиотеке рассказывала, что у нее родня отсюда.

– Ооо...страшилки начались. Как интересно. Поль, а Поль, а бабка твоя, правда, ведьмой была? Или враки это?

– Да замолчите вы. Расскажи, Паулин, что бабушка говорила? Почему места нехорошие? – спросила рыжеволосая Вера и ткнула Ежи в бок локтем, чтоб тот перестал ржать.

Паулина быстро оглянулась на друзей и пожала худыми плечами, отбрасывая черную косу на спину.

– Не знаю. Она говорила, что пропадают здесь люди, как в бермудском треугольнике. Жила здесь неподалеку. Они в этот лес, как и другие местные, избегали ходить.

– Ну да, а в болоте-озере затонул Титаник. Здесь леса того – метр на метр. Тоже мне треугольник.

– Очень остроумно! – перекивляла его Верочка и трянула роскошными длинными рыжими волосами. Ежи тут же притих и глаза отвел. – А чего пропадают? Рассказала?

– Нет. Нельзя рассказывать, чтоб лихо не накликать.

– Ясно, суеверия-шмуеверия, – Вера поджала губы, закатывая глаза и корча недовольное лицо. Ежи опять хохотнул.

– В прошлом году турист исчез и не нашли его. Всё озеро прочесали.

Задумчиво сказал Владек, вытащив наушник из уха. Все уставились на него.

– Это ты откуда взял?

– А он просто дома остался, – снова раздался хохот, и в этот момент машина несколько раз фыркнула и резко остановилась.

– Нет. Он и правда сюда поехал. В газете прошлогодней прочёл, когда про озеро это информацию искал. Что за...

– А что там?

Иван напряженно смотрел на торпеду, поворачивая ключ в зажигании, но машина упорно не заводилась. Этого только и не хватало. Теперь скажут, что он и тачки выбирать не умеет, не только маршруты. А это она, Поля, его привела в компанию, когда в последний момент Алик заболел и отказался ехать.

– Не знаю. Она просто не заводится.

– Ну да, ну да. А если б взяли тот джип, все б завелось.

– Та ладно! Сами говорили «дорого», – вступилась за Ива-

на Паулина и посмотрела на парня, который задумчиво не сводил взгляда с торпеды и с горящих там значков. Он лично ее проверял при Христине и документы, да и в офисе их уверили, что машина исправна и проверки прошла после прошлого арендатора.

Фары выхватили из темноты массивные стволы деревьев, листья папоротника и длинную траву. Мошкара тучами носилась над капотом и билась о лобовое стекло. Где-то совсем рядом плескается вода и стрекочут сверчки. И тут же медленно погасло освещение. Владек, который почти все это время молчал, кивая в такт чему-то своему в наушниках и сжимая гитару, выхватил фонарь и посветил на лица притихших друзей, выключая плеер.

– Тадададам! Темнота – друг молодежи.

– И что теперь? – спросила Поля, обращаясь именно к Ивану, но тот молчал, как и всегда. Ей порой казалось, что он вообще немой.

– Не знаю. Кажется, накрылся аккумулятор. – сказал Ежи и ударил ладонями по сидению водителя, – Утром пойдем в деревню искать, кто нас отсюда вытащит.

– Ненене, я не хочу тут спать. – запротестовала девушка и вцепилась в рукав парня. – Нельзя починить?

– Нет. Нельзя. Аккумулятор только подзарядить можно, – снова сказал Ежи, – охренеть, блин, съездили.

Паулина отвела взгляд и тоже посмотрела в окно на видневшиеся в темноте стволы деревьев. Да, это она настаивала

на том, чтоб взять дешевенькую машину, как и на том, чтоб ехать этим путем. Сейчас бы они уже давно выскочили на трассу, а там бы точно не заглохли. Но... тогда он бы никогда не попал к озеру, которое снилось ему во сне. Он рассказывал ей... о снах этих, и она прониклась.

– Ты можешь взять фонарик и идти пешком. – хохотнул Ежи.

– А ты вообще молчи. Это твоя идея была поехать в эту глушь ради конспекта!

– Не моя, а Поли. Я вообще предлагал заночевать в гостинице и утром ехать.

– Тише, не ссорьтесь. Поспим, и с рассветом парни сходят в деревню, а мы мясо пожарим. Шашлыков у озера поедим, искупаемся. Во всем можно найти что-то положительное.

Ребята устроились поудобней в салоне автомобиля, укрываясь пледами и ежась от ночной прохлады. Скоро разговоры почти стихли. Но, прежде чем все уснули, где-то вдалеке раздался вой, и Вера ойкнула.

– Это волки? Страшно как!

– Спи давай! Страшно ей. Мы в машине. Да и не волки это. А так, псы в деревне воют, – проворчал Ежи, а сам сильнее прижал ее к себе, незаметно втягивая запах ее волос и прижимаясь щекой к макушке.

– Не к добру псы воют. – слышался голос Паулины.

– Не пугай, мне и так страшно.

Вера Ежи за шею обеими руками обхватила и лицо у него

на груди спрятала.

– Хорош там ерзать и тискаться! Наружу идите, если трахаться приспичило.

– Да пошел ты! Вот же урод.

– Заткнитесь! – прикрикнула Паулина, откидываясь на спинку сидения. Глаза уже привыкли к темноте, и теперь она видела очертания стволов деревьев, светящиеся точки в высокой траве. Чувствуется, что вода рядом. Квакают лягушки, и слышен плеск волн. Все уже давно уснули, а ей не спалось.

Она вспомнила, как выбирала маршрут, и внутри появилось какое-то непреодолимое желание ехать именно сюда. Словно потянуло, словно навязчиво в голову въелось. Перед отъездом несколько ночей подряд снилось озеро и женская фигурка у воды с длинными черными волосами, точно как Иван рассказывал. И она словно видела, как он каждый раз шел к ней и каждый раз просыпался, едва протягивал руку, чтоб взять ее за плечо и развернуть к себе.

Паулина резко открыл глаза. Кажется, все же задремала, но сна не осталось и в помине, едва веки разлепила. Она приподнялась, вглядываясь в темноту – между деревьями промелькнуло что-то светлое, словно фигурка женская, и у нее сердце забилось быстрее. То ли от страха, то ли от волнения неясного. Обернулась – а Ивана нет рядом.

Потянула руку к дверце и осторожно приоткрыла. Вылезла из машины и тихонько прикрыла ее за собой, чтоб не разбудить ребят. В прохладном воздухе отчетливо ощущался

запах воды и ночной свежести. Девушка заметила Ивана, едва глаза к мраку привыкли, он так же, как и она, через кусты к озеру пробирался. Осторожно пошла следом, стараясь не шуметь.

Вдруг вдалеке послышался тихий женский смех, и Иван решительно шагнул за деревья, раздвигая ветки руками и вглядываясь в полумрак, приближаясь к омуту. Вышел на берег и замер, как и сама Паулина, – у самой кромки воды, освещённая серебристым лунным светом, словно стоя на блестящей дорожке, уходящей в самое небо, утопая в ней по щиколотку стройными босыми ногами, стояла та самая девушка из его снов. Её длинные черные волосы развевались на теплом летнем ветерке, и алая ленточка змеилась по плечу, прикрытому прозрачной кружевной белой сорочкой. Иван вздрогнул не в силах сделать к ней даже шаг, а Паулина прикрыла рот обеими руками.

{ У річці темній і глибокій
З синьою водою
Де латаття швидко жене
Вітер стороною

Тиша-мгла стоїть глухая
Вороння літає
Над водою туман важкий
Серпанком розтане... } * 1

И по коже побежали мурашки, когда услышала ее тихий и невероятно красивый голос...она запела песню, а у парня пальцы сжались до хруста в суставах.

{Стрічку хвилями качає
З рваного намиста
"Де ти, де ти мій коханий"
Голос стогне пісню

Виє вітер та сумує,
Та гілки тріпає
Гарчит лютим дикім звіром
Немов відповідає:
"Я десь там... Зовсім далеко ..."
На чужині лютій ...
В ямі чорній та глибокій
Поховали люди"}. *2

Он резко разодрал ветки и быстро пошел вперед, словно ему до безумия захотелось рвануть вперед и прижать девушку к себе, чтоб душу голосом своим не рвала, чтоб сердце так не болело, раздирая грудины и заставляя хватать воздух широко открытым ртом. Ведь сама Паулина тоже ощущала, как сильнее сердце бьется и горло дерет слезами невыплаканными.

{"Де ти, де ти, мій коханий ...

Тебе так чекала.

Пісні плакала, журилась ..."}*3

Он шагнул к ней и положил руки ей на плечи. Девушка медленно обернулась...

– Не пойду замуж. Не заставит отец. Лучше в монастырь. Постриг приму. Стану монашкой и невестой божьей. Никому не достанусь. Зачем мне замуж?

Воскликнула княжна Запольская, отшвырнув, усыпанный красным бисером головной убор и глядя на свое отражение в зеркале. Знает, что красивая, что в округе не сравнится никто с ней и что каждая на нее быть похожей мечтает. Черноволосая с ровными бровями соболиными и глазами цвета майского неба после грозы, когда ветер бурю разогнал и солнце лучи показало, подсинило небосвод. Как засмеется – душа замирает. А кто взглянет – очей отвести не может. Ведьмой ее зовут за красоту яркую и за голос, как ручей журчащий. Начнет петь, и люди в ступор впадают, от волнения в груди больно становится. Но несмотря на это, немногие руки ее просили. Побавивались красоты. Было в ней что-то слишком неестественное, непривычное взгляду людскому. Одновременно и зажмуриться, и смотреть хотелось.

Родилась она в ночь лунного затмения, в дороге. Януш из кровавого похода возвращался, жену свою с собой всегда возил, любил ее адской любовью, никогда с ней не разлучался,

но последних родов княгиня не перенесла и умерла от потери крови. Повитуху, которую притащили из украинской деревни, разоренной той ночью, наутро сожгли на костре за то, что не спасла княгиню Запольскую. Да и понятно отчего – почти всех мужчин поляки в том селении истребили, скотину угнали, женщин изнасиловали.

Лютые проклятия на костре кричала ведьма языческая, а в повозке умершей княгини, в бочке с водой куклу нашли с черными нитками вместо волос. Люди поговаривали, что наслала гадина на малышку проклятия, а вместе с ней и на весь род княжеский. Не к добру красота эта. Горе принесет. Лихо всем. Отродясь такого люди не видели, чтоб слезы наворачивались и ниц пасть хотелось, когда мимо панночка проходила, все разговоры стихали, и мужики вслед смотрели ей, не в силах глаз отвести. Лютой ненавистью бабы ее ненавидели и молились, чтоб замуж быстрее вышла да подурнела после родов.

Пан Януш Запольский как понял, что дочь, несмотря на приданое и красоту, сватать не торопятся, сам принялся женихов искать. Да долго и не пришлось – кузен к нему в гости пожаловал с сыном своим, а тот, как княжну увидал, так больше ни к еде, ни к воде не притронулся. А по весне сватов прислал. Решили, как исполнится Валеске восемнадцать, так и свадьбу сыграют. Пир знатный устроят, какого со смерти Магдалены его любимой не устраивал. Сыновей вернет с похода домой.

А как к свадьбе срок подошел, заупрямилась дочка, все глаза выплакала. Едва услышала о венчании, побледнела до синевы и в светлицу к себе побежала, перед образами на колени рухнула, руки складывая в молитве и слезами заливаясь.

– Своенравная какая. – покачала головой Ганна, с малолетства верой и правдой служила Запольским, любила панночку, как дочь родную, – Возьмет отец хворостину и высечет, как простолюдинку. Не перечь отцу. Смирись, пани моя. Хорошим мужем будет тебе Чеслав Мышковский. С детства знаете.

– Не хочу замуж. Не хочу, – в руки Ганны впиалась своими тонкими пальцами, – Чеслав, как щенок у ног моих крутится. Не люблю его и не полюблю никогда.

– Ох, и упрямая, голову вскружила пану, а теперь щенок он ей. И чем щенок плох? Радуйся, что любви не знаешь. Зло любовь эта. Зло лютное. Послушай меня, старую, знаю, что говорю. Любовь горе людям приносит и боль. Ну ее, проклятую. Забуди казака своего. Не отдаст тебя отец за него. Никогда не отдаст. Враг он нам, понимаешь?

Валеска резко обернулась, так, что две косы толстые взметнулись и вокруг плеч жгутами обмотались и снова за спиной зазмеились. Ганне перекреститься захотелось – красивая панна, такая красивая, что даже женским глазам больно, что о мужских говорить? И где он взялся на голову Запольских – изверг этот со взглядом звериным. Не иначе сам

дьявол послал во искушение. А на панну как смотрел – сожрал ее от кончиков волос до кончиков ногтей.

– Поздно, Ганна. Поздно. Случилось зло лютое. Случилось. Вот тут жжет. Так жжет – вздохнуть не могу. Как глаза его серые вспомню, так душа и сжимается. Не пойду ни за кого. Обещал увезти меня до свадьбы... ты молчи только. Молчи, Ганна.

– Ты что говоришь такое, панна моя? Стыд да позор! Когда говорил? Где виделись?

Княжна в ноги ей кинулась и колени тонкими руками обхватила, сама слезами заливается и душу Ганне рвет в клочья.

– Не погуби панну твою! Богом заклинаю, молчи. Узнает отец, запрет меня и не пустит никуда, и не станет меня. Слышишь? Не станет!

– И правильно сделает! Правильно! Я б тебя еще и розгой выдрала. Что ж за срам-то творится?

А сама на панночку растрёпанную, бледную смотрит и понимает, что не та она уже как раньше. Совсем обезумела.

– Не хочу за Мышковского! Счастливой быть с Иваном хочу. Люблю его до безумия. До смерти люблю! Не хочу, как бабы мужние в городе: скучные, вечно губы поджаты, талии жиром заплыли, и в глазах тоска зеленая. Я жить хочу, Ганна! С ним жить! Дышать на воле!

– Враг он! Зверь лютый! Сколько наших положил! Изверг

окаянный! За его голову выкуп дают! Поймают его ляхи и колесуют. Расстреляют, как собаку бешеную. Опомнись, пани Валеска, дочка ты княжеская, а он холоп и мятежник! Руки его по локоть в крови польской.

– В омут с ним ... на расстрел и на каторгу. Жизни нет без него.

Руки тонкие заламывает, и очи синие от слез еще синее, еще ярче – горят топазами драгоценными и самой Ганне душу рвут. Не уберегла она панночку. Не уследила. Как же так? Как же из всех мужей на земле самого недостойного и подлого полюбила птичка ее маленькая?

– Ты счастливой будешь с Чеславом. Забудешь этого... В золоте купаться станешь, отец приданое за тебя знатное даст, и сам Чеслав души в тебе не чаает. Да и пора уж – засиделась в девках. Выбрось дурь с головы, пока не поздно. Пока люди не прознали. Не стерпит пан Януш позора такого.

– Не загуби, молчи, Ганна! Молчи!

– Никаких встреч больше. Не то сама отцу все расскажу.

Дверью хлопнула, а панночка лицо руками закрыла. Нельзя ей замуж. Никак нельзя. Ивану она принадлежит. Душой и телом, и сердцем своим израненным. Муж он ей давно уже. И не важно, что не венчаны – она его кольцо на сердце носит. Он его кинжалом там вырезал атаманским своим резным. Тем самым, которым поводья обрубил, когда из воды ее вытаскивал год назад. Она тогда в глаза ему посмотрела

и пропала. Словно не жила никогда до встречи с ним. Не дышала и не знала, что значит на самом деле дышать. Время остановилось для нее, весь мир сосредоточился в черных зрачках и в ее собственном отражении, дрожащем в серых дьявольских омутах. Красота у него дикая, не такая, как у польских парней – хищная красота, звериная. Словно весь хаос Преисподней клокочет в нем и на волю рвется. Никто так на панночку не смотрел никогда. Не было в его взгляде раболепного восхищения – голод там был и еще что-то... чего она тогда изведать не успела, но изведает с ним позже, и он ей обещал, клялся, что изведает, вот этим своим адским взглядом, от которого сердце сгорело за несколько мгновений и возродилось из пепла, чтоб ей уже не принадлежать. Никогда.

А потом он саблей кусты рубил и повозку ее из болота тянул вместе с людьми своими... она на берегу стояла, взгляда от него отвести не могла. Без кафтана в рубахе одной мокрой насквозь, расшитой нитками красными на рукавах и вороте. Красив и силен. Мышцы бугрятся под льняной материей. Ругается на языке своем, когда кони взвиваются и копытами по воде хлещут, и брызги в разные стороны летят.

Судорожно выдохнула, когда спаситель рубаху через голову снял и кафтан темно-синий суконный, златом расшитый, на голое тело натянул, а у нее глаза широко распахнулись, как торс голый мужской увидела, и щеки вспыхнули. Только взгляд отвести не смогла, и в горле так сухо стало

и жарко всему телу. Ладони зудеть начали от желания кожи его смуглой коснуться. Вот там, в самом вырезе чуть ниже ключиц, где крест нательный колыхается.

— Срам какой! Голый почти, да у женщин на глазах. — тихо проворчала Ганна.

— А красив как Бог, — пролепетала Агнешка, приоткрыв рот, не в силах сдержать восхищение красотой этой варварской.

— Тьфу на тебя! Как дьявол скорее!

Перед тем, как расстаться, губами к руке ее, дрожащей, прижался, щекоча усами длинными, а взгляд и правда, как у дьявола, самое сердце ласкает и дразнит. Дрожать заставляет княжну, трепетать и ресницы стыдливо опускать, чтоб не увидел, как глаза ее загорелись.

— Буду ждать... у озера... в полночь. — шепнул и перевернув руку княжны, губами к раскрытой ладони прижался.

Самоуверенный. Наглый. Она руку одернула и в лицо ему расхохоталась. А у самой сердце трепещет, как птица раненая, словно приговор себе чует и от страха бьется, волнуется.

— Вечность ждать будешь, казак. Никто ты и звать тебя никак. А я дочь князя Запольского. Завтра братья мои твою голову саблями золотыми снесут за то, что смотреть и говорить со мной посмел.

У него улыбка с чувственных красных губ пропала, и глаза снова загорелись тем самым огнем, от которого в груди больно становилось и все тело пронизывало сладким ядом.

– И вечность подожду, если знать буду, что придешь. Голову эту сам к ногам твоим склоню и саблю в руки твои дам – режь меня, если тебе это радость принесет, панна мОя.

Она еще долго успокоиться не могла, руки прижимая к груди, а потом выглянула из кареты и увидела, как гарцует на месте его конь вороной с седлом, расшитым золотом, и вышивка на одежде чужака поблескивает на солнце. Шапку меховую сдернул – волосы русые вьются на ветру, а ей вдруг подумалось, что под ее ладонями они шелком пальцы обожгут и изрежут в кровь ладони. На нее смотрит, осаждая скакуна нетерпеливого, а потом хлыстом по крупу ударил да шпорами в бока, и жеребец, взвившись на миг на дыбы, галопом прочь поскакал, облака пыли оставляя в воздухе.

– Антихрист! Чтоб ему повылазило, как на панночку уставился! – Агнешка несколько раз перекрестилась и на Валеску с тревогой глянула, и Ганна вместе с ней, целуя крест золотой нательный.

– Легко отделались... Говорят, Богун – украинский нелюдь, здесь по лесу рыскает с войском своим. Головы рубят полякам, а женщин насилуют и с разодранными животами на дороге бросают, а младенцев...

– Побойся Бога, ужасы такие при панночке рассказывать. И так бледная вся сделалась. Молчи. Думай, что говоришь!

– Безжалостный зверь. – заключила Агнешка, отводя взгляд и доставая молитвенник, обшитый коровьей кожей, – Помолюсь, чтоб не встретился он нам никогда.

Валеска к окошку отвернулась и в щель между занавесками смотрела, а сама вспоминала буквы на воротах у казака — «И» и «Б», и сердце колотилось все сильнее и сильнее.

Весь день о нем думала, как в сруб вернулись в усадьбу отцовскую. Глаза казака всюду мерещились и голос с акцентом вражеским. Ведь знает, кто он. Знает, что враг он отцу ее и братьям, а из головы не идет лицо это смуглое и взгляд лихорадочный, обещающий нечто запретно-сладкое, греховное. Она словно в нем самую жизнь увидела. Все ей теперь казалось не тем и не таким, и голос его в голове звучит, дразнит, подхлестывает.

«И вечность подожду, если знать буду, что придешь».

И она пришла. Сама до последнего не думала, что способна на такое, а как через окошко в сад вылезла, оглядываясь на дом, поняла, что иначе и быть не могло.

По тропинке к лесу побежала, юбки придерживая дрожащими руками, к озеру, туда, где ждать ее обещал. Фигуру статную у воды увидела и замерла, не в силах шагу к нему сделать. И он ее почуял, как зверь, встрепенулся, выпрямился весь в струну. Так и стояли. Долго. До утра он на нее смотрел. Только косы ей расплел и сквозь пальцы волосы ее пропускал, лаская и поднося к лицу.

— Если бы Бог и Дьявол поспорили, кто может создать самое красивое творение, то Бог точно показал бы людям тебя.

— А дьявол? — тихо спросила и глаза на него подняла с ресницами длинными, дрожащими, в тусклом свете месяца

бросавшими тени на щеки румяные.

– И дьявол. Смотреть на тебя, словно на солнце больно – режет до слепоты. А отвести взгляд не могу. Выжгла ты мне душу очами своими, ясочка моя синеглазая.

Сказал «моя», а она и возразить не смогла. Правильно это как-то прозвучало. Перед тем, как солнце первые лучи показало, к себе притянул за затылок и губы ее своими накрыл. Сначала нежно, осторожно так, что княжна вся задрожала и колени подогнулись, а потом жадно и голодно. Не знала она, что поцелуи такими ядовито-сладкими бывают, что отравят ядом ее горьким и навсегда к нему привяжут веревками с узлами, которые не развязать и не разрубить.

Дыхание ее выпил так, что больше ни одного вдоха без его губ сделать не могла. Волосы ее сжимал ладонями горячими, губы терзал и терзал, и у нее сердце биться переставало от наслаждения. Спину ее вдавливал так, что к нему всем телом льнула и грудью под тонкой сорочкой об узоры на его жилетке цеплялась, сосками, болезненно тугими, мучительно горящими от неясных желаний. И неважно стало, кто он и кто она. Казалось, это где-то за пределами озера осталось. Не мог быть нелюдем-Богуном ее Иванко. Не могли руки, что волосы ей перебирали, людей резать, да хаты жечь.

Каждую ночь приходил теперь Иван к ней и с каждым разом все больше с ума сводил, к себе приучал, к рукам своим бесстыжим и поцелуям грязным и таким сладким, что

панночке казалось, звезды в ее глазах зажигаются, как и на небе...на которое смотрела, раскинувшись на его плаще и выгибаясь подо ртом жадным, ласкающим грудь ее голую, заставляющим стонать, как девку позорную, и за волосы его хвататься, чтоб не прекращал. Молить о чем-то, о чем сама еще не знала и не ведала.

– Коханный...коханный, – шептать, задыхаясь, когда снова губы поцелуям осыпал и ноги гладил ладонями сильными, придавливая своим телом тяжелым и мускулистым к траве мягкой душистой с запахом летнего зноя, цветов полевых и ее падения все ниже и ниже в бездну его объятий.

– Ты ... ты моя кохана. Люба, гарна. Никому не отдам – моей будешь. Украду тебя. У всего мира заберу, на Родину увезу. Уйдешь со мной, Валеска? Уйдешь с коханным своим? Бросишь родню?

Раздвигая ей ноги коленом и шею ее щекоча кончиком языка и усами мягкими. А она от ласк его наглых и умелых губы в кровь кусает и головой кивает беспрестанно. Уйдет с ним, куда попросит, уйдет даже на тот свет, только пусть шепчет ей на ухо слова эти, от которых в груди печет и так тянет низ живота, пусть пальцами своими с ума ее сводит, и губами порочными, и языком острым, стискивая бедра белые под задранными юбками, заставляя извиваться и стонать его имя пересохшими губами, закатывая глаза и содрогаясь от наслаждения.

Сама просила, чтоб своей сделал, сама губы подставляла

под его рот, сама на себя тянула и выгибалась, когда брал ее тело податливое и научил кричать, царапая его спину.

– Я уеду ненадолго, любя моя, ты только жди меня. Слышишь? Дождись! Вернусь и заберу тебя отсюда. Повенчаемся. Женой моей будешь.

– Куда едешь? Куда? Надолго?

Лихорадочно за рубаху цепляясь и цепenea от страха перед разлукой.

– В Московию мне надобно, вернусь я. Обещаю.

И она верила, руки его целовала и к своим щекам прижимала.

– Не вернешься, не будет жизни мне без тебя, Иван... не будет. Умру без тебя.

Он ее к груди своей прижимал и волосы целовал, взгляд суровый смягчался, и губы в уголках дрожали.

– Вернусь. Слово Богуна – вернусь.

Ленту ей с рубахи своей отдал, в волосы завязал.

– Не снимай, пока не приеду. Сам расплету.

В глаза поцеловал, в лоб и на коня вскочил. Княжна долго ему вслед смотрела, пока глаза слезами не разъело так, что почти ослепла. Словно знала – не вернется. Чувала сердцем – так сжималось оно в момент разлуки.

Ждала его днями и ночами, от тоски не спала и не ела. Весь румянец растеряла. А в отчем доме к свадьбе готовятся, подарки жених шлет, платья на нее примеряют, перед помолвкой. Только княжне все не в радость. Ни шелка, ни кру-

жева, ни батист, ни каменя драгоценные и украшения, которыми Чеслав ее одаривал. Милей всего сердцу лента от Ивана и цветы, что дарил. Засушенные между страницами книг прятала, а потом аромат вдыхала.

– Не приедет он! Лживые уста его вражьи. Опозоришь отца, коль не девка уже, – хлестала ее словами Ганна и волосы чесала, пытаясь содрать ленту, которую Валеска трогать не позволяла.

– Приедет! Увидишь! Приедет!

И сама изо всех сил верить хотела. По ночам к озеру прибегала и до самого утра в воде стояла и звала. Пела ему песню, что сама сложила за дни эти тоскливые. Тихо пела... чтоб не слышал никто, пела и ладони к животу прижимала. Знала, что не одна его ждет. Тяжелая она от Ивана вот уже четыре месяца. Скоро все заметят, и позор ей тогда, ей и отцу с братьями.

{ У річці темній і глибокій

З синьою водою

Де латаття швидко жене

Вітер стороною

Тиша-мгла стоїть глухая

Вороння літає

Над водою туман важкий

Серпанком розтане

Стрічку хвилями качає

З рваного намиста

"Де ти, де ти мій коханий"}]

Не приехал Иван ни через неделю, ни через две. И через месяц не появился. Уж помолвка состоялась, и день венчания близился. Вот-вот в дорогу собираться. А глаза панночки от слез не просыхают. Ждет и ждет, тает на глазах, не ест и не спит. Ганна уже и сама извелась вся, глядя на госпожу свою молодую.

Весточку недавно от Ивана в дубе у озера нашла, в горницу принесла и на пол сползла, глядя застывшим взглядом перед собой.

«Не жди меня, Ясочка, не жди. Выходи за другого. Женился я. Прости и прощай, любя моя. Не печалься. Ленту сними и в озеро брось. Забудь меня».

Не рыдала больше панночка, ни слезы не уронила. Только словно смыл с нее кто все краски жизни. Сама на себя не похожа стала. Глаза огромные блеском сухим блестят, и губы белые подрагивают. Словно говорит что-то, но про себя...себе.

Перед самым отъездом на рынок, всю ночь с княжной Ганна просидела, но та ее ближе к утру прогнала, уверила, что успокоилась и смирилась. Даже лицо ее прекрасное умиротворенным выглядело, только в глазах пустота появилась. Словно нет у нее света и жизни в них, словно души нет. Ганна даже перекрестила ее несколько раз и к себе пошла с тяжелым сердцем.

Не видела она, как княжна через окошко в сад вышла, как медленно шла через лес, ступая босыми ногами по земле сырой, талым снегом пропитанной, пачкая грязью маленькие ступни. Весна рано пришла, лед везде протаял и ручьями в озеро стекался.

Валеска к берегу крутому вышла, долго на воду смотрела, а потом косы расплела и медленно пошла вперед, глядя на небо ясное, звездами усеянное, руки раскинула и вниз полетела.

Омут ледяной сомкнулся над локонами черными, пряча княжну от глаз людских и от боли с тоской. Укрывая драгоценным покрывалом холодным, качая и баюкая. Навечно спать укладывая на дне своем мшистом.

Тело панночки не нашли, не вернула ее вода людям, только лента алая на волнах колыбалась, ко дну не шла, но и в руки никому так и не далась.

С тех пор поговаривали, что ходит по берегу юная княжна ночками темными лунными и песню тоскливую поет, кто услышит, обратно не воротится.

Паулина проснулась от прохлады – дверца машины открылась, видимо, ночью. Ивана рядом не оказалось, а ребята сзади сбились вместе и спали. Дежавю какое-то, словно она это сегодня уже один раз делала, только ночью. Девушка вы-

лезла из машины и, вглядываясь в утренний туман, позвала парня по имени, но никто не откликнулся. Все, что ночью произошло, сном ей теперь казалось.

Раздвигая кустарники и ежась от холода, вышла к берегу и снова громко позвала Ивана по имени. Склонилась над водой и тут же отпрянула назад – на дно медленно опускалась красная ленточка.

Паулина к ребятам бегом вернулась, спотыкаясь и назад на озеро оглядываясь – как раз Вера из машины вылезла с полотенцем и кружкой, а за ней Ежи, потягиваясь и зевая.

– А утром местечко это очень даже ничего. Красотаааа.

– Вер, а ты Ивана не видела?

Они оба к ней резко обернулись.

– Какого Ивана?

– Как какого? Ну... новенького, который привез нас сюда.

Ежи и Вера переглянулись.

– Новенького? Нас Алик привез. Он в деревню пошел трактор искать. Мы оба колеса вчера пробили и в яму завалялись.

Паулина нахмурилась и отвернулась, потирая виски тонкими пальцами.

– Ну как же? Мы в библиотеке познакомились – Иван. Вчера с ним в аренду машину брали и...

– Машину напрокат Алик взял с Владеком. Что с тобой? Ты пугаешь меня.

Паулина на них обоих по очереди посмотрела и к дереву

спиной прислонилась, глаза закрывая. Давно с ней этого уже не случилось... Очень давно. Бабушка сказала, что излечилась она, наверное... а вот и нет. Вернулось все, да еще пуще прежнего.

– Алик с местными идет, машину вытаскивать будем.

– Как вас занесло сюда? Ни одна дорога в Соборский лес не ведет. Все указатели давно снесли. Да и нет тут дороги никакой: ухабы, да ямы одни.

Дед седовласый в потертом свитере и старых латанных на коленях штанах на корточки у колеса опустился, рассматривая пытливым взглядом пронзительно черных глаз яму, в которую влетела машина, а другой местный, помоложе, видимо, сын его, так как похож очень – тот же нос крупный «картошкой», сигарету в рот сунул и от спичек прикурил, осматривая старенький «Шевроле» со всех сторон.

– А разве не аккумулятор у нас испортился? – тихо спросила Паулина, – И... и машина вроде «Рено».

– Да что с тобой? Мы же в яму влетели. Ты еще головой ударилась, и Вера тебе компресс делала, к озеру меня гоняла. Не помнишь?

Паулина отрицательно покачала головой.

– Ивана помню. Он машину вел. Аккумулятор, сказал, испортился. Парень такой молодой... волосы русые и глаза серые. На лбу у виска шрам маленький. В рубашке синей. Ну

как не помните? Как?

Дед голову поднял, волосы седые грязной рукой со лба убирая.

– Когда этого Ивана пани видела?

– Он...он привез нас сюда. Ну я так думала...помню его хорошо.

Дед с корточек поднялся и задумчиво переносицу потер мозолистыми пальцами.

– Парень, о котором вы, пани, говорите десять лет назад в озере нашем утонул.

Паулина воздух широко открытым ртом вдохнула, а дед продолжал.

– Гиблое это место. Нехорошее. Люди о нем разное болтают. И не зря болтают. Ночью никто сюда не суется. Как стемнеет, даже собаки здесь не рыщут.

Он снова на машину посмотрел и затылок почесал.

– Трактором тянуть надо. Хорошо, вы в яму сели. Пока Ян сюда дракона своего железного пригонит и вытянет тачку вашу, времени много пройдет. Идемте вас чаем пока напою с травками. Не отравлю, – и тихо засмеялся, – Знахарь я местный. Типа лекаря.

– Давно это было, можно сказать, легенда наша местная или проклятье. Как хотите назовите – все одно будет. Из поколения в поколение передается. Кто верит, а кто нет. Толь-

ко трудно не верить, если сам своими глазами видишь.

Дед Мацей несколько кружек на стол дубовый поставил и сам рядом с ребятами на табурет сел. А они по сторонам оглядываются, жилище у деда необычное: под потолком ветки, засушенные с ягодами, куча банок на полках с мутным варевом песочного и тыквенного цвета, кот по подоконнику бродит черный, гостей, вроде как, и не замечает.

– А что за легенда? – спросила Вера и кружку ладонями обхватила, согревая пальцы.

– Легенда о том, как польская панночка украинского казака полюбила. Лютое время было. Речь Посполитая воевала, и Украина воевала. Резали, жгли, насиловали, целыми деревням вырезали и скот угоняли. Атаман украинский с панночкой позабавился да бросил, весточку ей прислал, что женился на другой, а она, несчастная, понесла от него, да не стерпела позора, в озере нашем утопилась. Говорят, письмо ему в дубе старом оставила. Да кто ж туда сунется. С тех пор бродит по берегу, к себе парней заманивает да девчат. Озеро у нас страшное и глубокое – кого на дно свое утащит, тот уже не возвращается обратно. Вот такая легенда. Правда – не правда, не знаем. Только народу в нашем Соборском лесу пропало столько, что люди все указатели снимали и любую дорогу сюда спрятали. Но она все равно их заманивает... пением своим... голосом ведьмовским... красотой нечеловеческой. Говорят, вернуться хочет и найти душу неверного возлюбленного.

– Кто заманивает? – шепотом спросила Паулина.

– Известно кто – панночка-утопленница.

И перекрестился.

– На берегу косы свои черные чешет, и лента алая в волосах вьется, а как обернется – посмотрит, так и не отпустит уже.

Прозвучало зловеще, и девушки поморщились, отпивая чай из кружек эмалированных.

– А усадьба княжеская далеко отсюда? Сохранилась она?

– Заполье давно переименовали, а от усадьбы только развалины склепа остались. Туристам это не интересно. Они у нас другие места смотрят со времен не столь далеких.

К вечеру Ян вернулся вместе с парнями.

– Плохо дело – днище пробило камнем, залатать надо, и третье колесо тоже спустило. Мы в соседнюю деревню поедем, к вечеру будем, отец.

– Езжайте с Богом. А я панночкам развалины усадьбы покажу.

Обратно они ехали в тишине. Никто слова не сказал. Только на Паулину с опаской поглядывали, а когда в город приехали, она даже не попрощалась с ними, домой побежала.

Все оставшиеся месяцы лета девушка только об этой по-

ездке и думала. У нее плиты надгробные с развалин усадьбы княжеской перед глазами стояли. Покоя не давали. Что-то странное в них было, и понять не могла что. По утрам вся в поту просыпалась, и в ушах песня княжны звучит не смолкает. А на ее фоне голосом деда Мацея – та самая легенда...только что-то не то в ней и не так.

И снова глаза закрывает, чтоб плиты представить: на них цифры выбиты и имя полустерто. Цифры...цифры...да, дело в них.

К ноутбуку бросилась и ...нашла...

«17 февраля в 1663 г. Иван Богун был арестован и через несколько дней расстрелян под Новгород-Сиверским...».

И снова цифры перед глазами – дата смерти Валески Запольской 13 марта 1663 года... Вскочила из-за стола, распечатала страницу, сложила вчетверо, в карман джинсов сунула, сотовый схватила и за порог – такси на вокзал ловить.

Одна она туда поехала, без ребят. Местный мужик ее до развилки у леса довез, а в лес пешком идти самой пришлось, дороги, и правда, не оказалось. Осень уже в свои права вступила...траву высушила, листья разным цветами разукрасила, и воздух холодным, колючим сделался, так что вдохнуть его больно. Паулина не сразу дуб старый нашла, а когда нашла, он отчего-то у самого берега оказался, над обрывом в воду, долго не решалась руку туда с листком засунуть, но все

же она это сделала.

«Не бросал он...убили его. Не губи никого. Утешься. Любил он тебя».

Обратно хотела бежать, да ногу подвернула, за дерево растопыренными ладонями цеплялась, ногти ломая, чувствуя, как глинистая почва, размякшая под дождями из-под ног комьями летит, и она сползает к самому обрыву. За ветку ухватилась, но та сломалась в руках и выскользнула из мокрых пальцев. Казалось, в воду ледяную целую вечность летела, а пока летела, проклятая песня в голове звучала...

{ У річці темній і глибокій
З синьою водою
Де латаття швидко жене
Вітер стороною

Тиша-мгла стоїть глухая
Вороння літає
Над водою туман важкий
Серпанком розтане

Стрічку хвилями качає
З рваного намиста
"Де ти, де ти мій коханий"
Голос стогне пісню

Виє вітер та сумує,
Та гілки тріпає
Гарчит лютим дикім звіром
Немов відповідає:
"Я десь там... Зовсім далеко ..."
На чужині лютій ...
В ямі чорній та глибокій
Поховали люди".

"Де ти, де ти, мій коханий ...
Тебе так чекала.
Пісні плакала, журилась ...
А потім не стало.
Зібрала мене водиця,
Сльози розчинила ...
Щоб я хвилями дзюрчала,
Як тебе любила ... "

І на дно тікає стрічка
Кільцями зав'ється
Шепіт жіночий стихає
Та він повернеться

У річці темній і глибокій
З синьою водою
Де латаття швидко жене

Вітер стороною

Тиша-мгла стоїть глухая
Вороння літає
Над водою туман важкий
Серпанком розтане

"Де ти, де ти, мій коханий"
Річка стогнуть буде
Я без тебе тут загину ...
Повернись... мій любий" }*4.

Долго они вчетвером историю эту вспоминали. По весне снова в те места отправились ...деда Мацея проведать хотели, но ни дороги к лесу не нашли, ни деревни ни одной поблизости. А когда на карту электронную посмотрели, последний домик здесь сгорел десять лет назад при летних пожарах. Лес совсем по-другому назывался, и озеро, оказывается, давно высохло.

– Как такое может быть? – удивлялась Вера – Мы же чай у него пили и... легенду он нам рассказывал.

– Чертовщина какая-то.

– А может, привиделось нам.

Только Паулина, улыбаясь, в окошко смотрела и алую ленточку, завязанную вокруг толстой черной косы, на палец наматывала...

– Может, и привиделось...

*1

В речке бурной и глубокой
С синею водою
Где кувшинки быстро гонит
Ветер стороною

Тишина стоит глухая
Воронье летает
Над водой туман тяжелый
Белой дымкой тает

*2

Ленту алую качает
Волнами ласкает
Голос женский песню стонет
"Где ты мой коханный"
Воет ветер и тоскует, словно отвечает:
"Где-то там
Совсем далеко...
На чужбине лютой...
В яме черной и глубокой
Схоронили люди "

*3

В речке бурной и глубокой
С синею водою
Где кувшинки быстро гонит
Ветер стороною.

Тишина стоит глухая
Воронье летает
Над водой туман тяжелый
Белой дымкой тает

Ленту алую качает
Волнами ласкает
Голос женский песню стонет
"Где ты мой коханный"

Воет ветер и тоскует, словно отвечает:
"Где-то там
Совсем далеко...
На чужбине лютой...
В яме черной и глубокой
Схоронили люди "

"Где ты, где ты, мой коханный...
Я тебя так ждала.
Песни плакала, искала...
А потом устала.

Забрала меня водица,
Слезы растворила...
Чтобы волнами журчала,
Как тебя любила..."

И на дно уходит лента
Вьется и кружится
Шепот женский затихает
Чтобы возвратиться.....

В речке бурной и глубокой
С синею водою
Где кувшинки быстро гонит
Ветер стороною
"Где ты, где ты мой коханный
Холодно...тоскливо...
Вечно ждать тебя я буду...
Приходи... любимый».

Рассказ 2

Она странная

– Меня зовут Ричард Малкович...и мне нужна ваша помощь.

Он ответил не сразу, какое-то время рассматривал собственные пальцы с очень коротко обрезанными ногтями. Настолько коротко, что кожа на кончиках нависла над ногтями.

– Я знаю, что вам нужна моя помощь. – достал лист бумаги и положил перед собой, сунул простой карандаш в точилку и несколько раз провернул. Это гипнотизировало – то, как грани оранжевого цвета исчезали в дырке, словно она с хрустом пожирала дерево и чавкала, давясь стружкой.

Я пришел к нему без очереди и без записи. Наверное, это нагло, но у меня не было другого выбора. Нашел его номер телефона в ее сумочке. Альберт Стоун. Так было написано на белоснежной визитке черными буквами.

«Я помогу вам пройти через это». Возможно, раньше я бы высмеял ее стремление решить наши проблемы с помощью посторонних, но не сейчас...Сейчас я уже слишком сломлен этой откровенной утопией и согласен на что угодно. Даже на семейного психолога. Ради нее. Ради нас.

– Расскажите о ней.

Его бархатистый голос совершенно не вязался с непри-

ятной внешностью. Словно им управлял чревовещатель. Но мне было плевать, как он выглядит. Я дошел до такой точки отчаяния, что готов был влезть в пасть к самому дьяволу лишь бы понимать, что с нами происходит после той гребаной аварии.

— Она странная. Иногда мне кажется, я ее не знаю. Иногда мне кажется, что она не знает меня. Словно мы совершенно чужие, и никогда друг друга не любили. Два человека, живущие в одной квартире, как соседи... И я схожу с ума от этого равнодушия, доктор. Мне хочется сделать ей больно, и я делаю. Так больно, что потом становится страшно самому...

Я поднял голову и посмотрел на мужчину, сидящего напротив. Он водил простым карандашом по бумаге, нажимая на стержень толстым указательным пальцем, и не сказал мне ни слова. Его жидкие волосы с прямым аккуратным пробором блестели в свете настольной лампы, а очки слегка запотели. Но он их не протирал, хотя клетчатый платок лежал рядом.

Несмотря на отопление, в кабинете Стоуна было довольно прохладно, и из его рта вырывались полупрозрачные едва заметные клубы пара. Я бросил взгляд на окно, в обрамлении темно-зеленых штор, на капли дождя на стекле, а потом — на равномерно раскачивающиеся на письменном столе железные шары. Сам не понял, как зажал их рукой, чтоб перестали издавать звук, от которого вскипали мозги, и мистер Стоун вздрогнул, а потом медленно поднял на них взгляд.

Они отразились в его зрачках, все пять железных шариков. И мне показалось, что в этом есть нечто пугающее и неправильное, но я так и не смог понять, что именно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.